

1990. 26 апреля.

Из дневника.

Янина Ивановна Кадочникова ещё до фестиваля пыталась меня похоронить заживо.

Мои претензии к администрации театра, по её выражению, — каприз. Пока все поставленные мной спектакли никому не нужны. Труппу в руках я не держу. Неконтактный, не иду на компромиссы, не подстраиваюсь под предложенные условия, а диктую свои, когда надо наоборот: подстроиться и постепенно что-то менять! Она считает, что я мало работаю с коллективом, только со студентами, а это не в счёт. Это всё только против меня. Она отстранила меня от разработки организации юбилея ТЮЗа и фестиваля, взяв всё фактически в свои руки. Она объединилась с профкомом и, если я ей предлагал варианты, как каким-то образом сгладить намечающиеся бунты, то она все мои личные с ней разговоры передавала профкому, чтобы использовать мои же аргументы против меня.

Янина Ивановна Кадочникова

Отменяется любое моё распоряжение. Грубо говоря, моё слово в театре ничего не значит. И всё-таки я репетирую, то есть как-то воздействую на актёров, на цеха. И моментами всё же иногда смутно чувствую исчезающую поддержку.

ДВОЕВЛАСТИЕ. Оно ни к чему хорошему никогда не приводило. Это тупик.

Когда в начале марта я пошёл в обком партии предупредить об уходе, мы встретились с обкомовской дамой, которая на начальном этапе была за меня. Я высказал по пунктам, какие мои решения блокируются, от очередности изготовления декораций до проката спектаклей. А это убивает веру в меня, как руководителя и саму творческую атмосферу, в которой только и возможны репетиции.

Сафронов и Янина Ивановна:

- Никаких противостояний, С.М. мнителен. Проблема в том, что он занимается со студентами, а не с труппой, труппа ревнует, вот и всё! Однозначно!

- Перечислите, что С.М. успел сделать за полтора года?

- Немного. Согласитесь, С.М. вы успели немного. На большой сцене только Шукшин "Приезжие", но это было до вашего переезда в Свердловск. Отрицательная пресса. Григорьев "Отцы-66", - никакого успеха, на малой "Интердевочку". Да, ходят на этот спектакль, но это произведение не путь главного режиссёра...

- Почему вы не называете "Дети синего фламинго"?

- Это спектакль Поцелуева. С.М. только провёл правку.

- Правку? Я видела спектакль Поцелуева. Это был, мягко говоря, провал. И вновь пришла на "Дети синего фламинго" после правки СМ. Сделан абсолютно новый волшебный по красоте спектакль для подростков.

- Да, получилось. Это у нас успешно продаётся.

- А ещё мне говорили про какой-то детский экспериментальный спектакль в фойе?

- Ну, это со студентами. Труппе не нравится. Однозначно! Вот тут и возникла почва ревности. И зачем фойе, когда есть большая сцена, есть малая?

- Скажите, С.М., над чем вы сейчас работаете?

- Не считая юбилейного вечера в апреле, в будущем большая сцена - Дубровин "В ожидании козы"— это о послевоенном детстве, "Сотворившая чудо" Гибсона — о слепо-глухо-немой девочке и на малой сцене "Куриные головы" Шпиро — венгерская пьеса.

- Это работы с актёрами или со студентами?

- Это соединение студенческих работ с актёрами театра.
- Когда вы рассчитываете их выпустить?
- Рассчитывал в этом, но проблема декораций, поэтому в следующем сезоне.
- Если вы уедете – эти работы погибнут?
- Видимо.
- Почему? С.М. может их закончить на договоре. Однозначно! Нет, поймите меня правильно,

С.М. никто не гонит. Но мы должны знать, действительно ли С.М. решил уходить? Или это какой-то его очередной ультиматум? Никаких препятствий я, как директор, ему не чиню.

- Насколько я помню, театр выпустил за это время три спектакля Анатолия Праудина, спектакль Вячеслава Анисимова... Я не ошиблась?

- Нет.
- Мне кажется – это было довольно плодотворное время для ТЮЗа, не так ли?
- Да, и поэтому нет никаких оснований для ухода С.М. Не понимаю причины. Не покидало ощущение, что эта дама и сейчас встала на мою сторону.
- Если С.М. чувствует, что в атмосфере театра что-то неладное, то почему не прислушаться к нему? Почему не помочь развязать те узлы, которые он считает тупиковыми?

Тут же Янина Ивановна и начальник управления культуры стали просить меня не торопиться и в течение марта месяца и начала апреля что-то изменить в мою пользу. Договорились о том, что встретимся ещё несколько раз в обкоме, в управлении культуры и поговорим.

Янина Ивановна, вернувшись в театр, собрала совещание и всю эту беседу дословно рассказала профкому, парткому и никто со мной больше из властей города не встречался, а к фестивалю в начале апреля я был смертник.

Репетировал, поправлял юбилейный спектакль, но группа профкома предъявила мне претензии: почему на выпуске юбилейного представления я всё решаю сам? Что значит – решаю? Я ставлю! А кто должен ставить? Да Иванский и Сизов написали сценарий. Но постановщик-то я. Взорвался, спросил: кто-нибудь в нормальном театре на выпуске разве репетировал хором? Только постановщик отвечает за всё. Один артист довел меня до каления. Сказал, что не будет делать то, что я прошу, назвав это белибердой.

- Вы здесь дописали текст! Я не хочу его произносить!

Труппа в Свердловске по какой-то кем-то давней установленной традиции собирается в начале репетиции и сидит в зале. Сидит плотной группой, такая с виду дисциплинированная труппа. Ждёт режиссёра, разбора вчерашней репетиции, его объявления о том, какой план на сегодня.

- Не буду произносить этот текст! Потому что это белиберда! Вот послушайте, что Лосев написал...

Прочёл. Тишина. Голос

- А по-моему, это остроумно.

- Остроумно? Белиберда! Меня в театр Гоголя приглашали, а я здесь должен со сцены белиберду произносить!

Труппа слушала молча. Мне бы выгнать его и всё. Но что-то заклинило при выжидающей тишине, в которой была жажда

скандала. Предположим – выгоню, кто этот же текст произнесёт? Ещё раз от другого артиста услышать о белиберде? Я сделал слабый ход. Сказал, что еще никто из артистов никогда со мной так не разговаривал и ушёл с репетиции. Уходя увидел, как Янина Ивановна, сидя в зале с критикессой, тихохонько хохотали. Я ждал Я.И. в кабинете, но она не зашла ко мне. Не встречалась со мной ещё несколько дней, хотя я её ждал и даже искал. Что-то решалось за моей

спиной. В театр пришел начальник управления, Лара его видела, но он не снизошёл до моего кабинета, а разговаривал только с актёрами и с Яниной Ивановной. Время шло. Юбилейный вечер приближался. И как я понял, испугавшись ответственности, - всё-таки приедут критики всей страны - Сизов и Иванский попросили меня всё же довести юбилейный спектакль до конца. Будет провал – спишут на меня. Будет удача, - помнят слова Толи Праудина: «СМ, у вас есть один недостаток: вы лишены тщеславия».

Я пришёл, собрал всех, объяснил свой уход не обидчивостью, а нарушением этики, вне которой невозможно работать.

И начал с того, где остановился. Этот же артист выучил написанную мной «белиберду» и сыграл на удивление даже с юмором.

Но далее руины. На сцене вся труппа и какая-то неразбериха, концерт разваливающегося народного театра. Ничего за эти пропавшие дни не сделано. Как успеть? Начал... И удивительно. Идеальная актёрская дисциплина. О чём не попрошу, тут же возникает. Сшиты костюмы всей труппе. Мужчины – смокинги, женщины – чуть ли не свадебные платья. Как натуральные ветки цветущего вишнёвого сада. Все цеха на месте. Никаких опозданий, капризов. Вот так бы работать всегда. Делаем сложный коллаж переходов из одного фрагмента в другой. Провёл за три дня – утро-вечер - ещё шесть репетиций, и всё успел.

«Всё успел» - это просто моё чутьё. Всё придумано, построено, но не было ни одного прогона без остановок. Ещё никто не понимал, сложилось или нет, будет успех или не будет, но мне казалось – всё, что можно было сделать – сделано. Юбилейный вечер готов к показу.

Ни одной встречи с Яниной Ивановной. Всё понятно: решение обо мне принято. Что делать? Я позвонил в Ригу Сегалю, написал ему два письма, которые пришли к нему где-то 10 апреля.

Юбилей был раньше, третьего апреля.

А к 10-ому апреля ситуация совершенно изменилась...

Во-первых, юбилейный спектакль был снят на телевидении, я не видел его, но мне сказали, что он прошёл так удачно, как никто не ожидал.

Замминистра Валерий Васильевич Подгородинский сказал, что в Москве никто не смог бы сделать такого спектакля. Местный драмтеатр в панике. Постановщику дают три тысячи, чтобы он сделал нечто подобное, но он ходит вокруг меня и спрашивает, как всё это делали и как удалось? У них тоже юбилей через пару месяцев, а ничего не готово и мыслей никаких.

Янина Ивановна разослала приглашения актёрам, режиссёрам, разное время работавшим в Свердловском ТЮЗе. Приехал Юрий Ефимович Жигульский, остальные бойкотировали. Хорошо, что заставил сделать генеральное восстановление его спектакля «Сказка о царе Салтане». Сшили новые костюмы. Красивый фрагмент вошёл в представление. И ещё его вызвали на сцену и под овации поздравляли в окружении цыганского хора.

Но остальные приглашённые режиссёры бойкотировали юбилей. А бывший главный режиссёр Юрий Александрович Котов прислал открытое письмо, в котором был такой текст:

"Дорогие подонки! И как вам в голову пришло меня приглашать? Вы, которые уничтожали одного за другим крупных режиссёров, вы, которые поломали всем нам судьбы, вы, которые любите не искусство, а собрания, - кого вы сжираете сейчас? Нога моя никогда к вам не ступит. С неуважением - Котов"

Как всё точно. Ничего со времён Котова не изменилось. Я подумал-подумал и... вывесил письмо на доске объявлений. Письмо, естественно, тут же сорвали.

Итак, юбилей состоялся, но я сказал Подгородинскому, что юбилейный спектакль придумал не я. Так оно и было. Сценарий, да и сам спектакль сочиняли два артиста, Сизов и Иванский, я им по должности главного режиссёра помог. Если бы спектакль провалился, я бы взял всё на себя, но он получился, все критики восторгались и, если бы я говорил, что это **я, я, я и ТОЛЬКО я**, то меня бы никто в труппе не стал уважать. Это Товстоногову позволено делать пять-шесть мазков на холсте ассистентов и объявлять, что это его работа. А я просто помог.

«СМ, у вас есть один недостаток: вы лишены тщеславия». Анатолий Праудин.

Узнав, что я непричастен к этой творческой победе, тут же пошли обидные вещи. В СТД, слыша про наш конфликт, высказали мне: - Вот, мол, да, мы знаем, что труппа сволочная, но как они здорово сделали юбилейный спектакль, так что вам надо подумать, как найти с ними контакт.

Подумал: СТД – профессионалы или орган интриг? Во власти СТД поддержать или задуть меня. Местная критика. Вместо того, чтобы хотя бы попытаться вникнуть в суть этапа развития ситуации, закрывает мне клапан кислорода и устраивает бойкот.

Лосев, Праудин, Озерова.

В конце марта в СТД решали проблему лучшей женской роли за год. Мы выдвинули Надю Озерову за "Интердевочку". Они зарубили наше предложение, сказав, что тут нет события, а дали девочке из кукольного за роль *Зайчика*. Бог с ними, подумал я. Переживём. То есть, не знаю, как переживёт Надя, это же удар по самолюбию, по желанию и дальше работать со мной, а у меня только недоумение, которое

пытаюсь осмыслить, и понимаю одно: я один. Толя на костылях, осенью его пригласили на постановку в драмтеатр, у нас он начнёт в январе, не раньше, я застрял со своими тремя работами, которые в такой обстановке не хочется делать вообще, да и декораций Янина Ивановна, занимаясь юбилеем, не делает.

Перед юбилейным вечером Янина Ивановна с гордостью всем объявила: «Будет дорогой фуршет». После представления повела всех напротив театра в ресторан "Космос" на банкет. Многие гости задержались у меня в кабинете. И мы подошли с небольшим опозданием. Очередь в гардероб дикая, столпотворение на уровне паники. Да и видно, что уже все вешалки заполнены, но Янина Ивановна разделась вне очереди, побежала в зал к московским гостям и не дожидаясь, когда нас разденут, провозгласила первый тост, затем второй... Мы - одетые в зимнюю одежду люди - ректор института Владимир Гаврилович Бабенко, режиссёры из периферийных театров смотрели через стеклянные двери и поражались Янине Ивановне. У меня стали спрашивать, а не пойти ли им домой? Я сам хотел уйти, но всё-таки я хозяин. Открыл двери, ввел всех в пальто. Сложили на стулья и присоединились с краешку к банкету.

Подшёл к Янине Ивановне, спрашиваю, как же так? Она как накакавшая невинная птичка.

- А разве не успели раздеться? Я же не могла ждать - москвичи.

Ко мне подошёл Корогодский:

- Как же так? Почему ты всё время сбоку? Что за кокетство? Почему не ты начал банкет? Почему не ты сказал первый тост? У тебя нет организаторских способностей?!

Я отшутился, но он привязался.

- Вижу, что происходит какая-то несуразица, но хочу понять, в чём дело?

Вынужден был сказать, что у меня конфликт с Яниной Ивановной, что я ухожу. Он не очень удивился.

- Значит, ты вёл неверную политику. Надо уметь приспособливаться и незаметно поворачивать ситуацию на себя! Не понимаю! Не понимаю, почему в финале Янина, а не ты представлял театр?

Рассказать или нет?

В нашем юбилейном спектакле актёры-сочинители Сизов и Иванский придумали начать и замкнуть спектакль текстами из "Вишнёвого сада". Предложили начать с приезда Раневской, закончить тем, что выходит главный режиссёр и читает финальную ремарку Чехова. Будто я ставлю "Вишнёвый сад", который рублю собственными руками. Режиссёр Лосев – по их замыслу сегодняшний Лопухин. Я, конечно, сразу спросил: о чём всё это?.. Они стали нести какую-то чушь, что это не про нас, а про общее состояние всех театров, про красивейший ход оформления ветвей вишен, белых платьев, сшитых всей женской части труппы за 20 тысяч и т.д. Я откровенно сказал им, что не допущу этот финал сценария. Они ответили:

- Хорошо. Пишите сами.

Знали, когда сказать. Времени нет. Цейтнот. Я задумался...

И сделал вид, что не сразу понял объёма их мысли, тонкости.

А придумал вот что.

В финале в смокингах, в белоснежных платьях выходит труппа. И играется коллаж рубки "Вишнёвого сада".

- Не ру-би-те! Как у вас не хватает такта! Пока не уехала мама, - не рубите!!!

Вот на такой ноте мы закончили спектакль.

Но! Далее я должен выйти и читать последнюю ремарку. Выйди на сцену в этот момент я, и точка. Обращение получится ко мне, вот он, кто рубит. И сам же я и палач, и жертва.

А я отказался выходить. Ремарку прочитали артисты.

И в это время я попросил выйти Янину Ивановну. Она с удовольствием согласилась. Даже с радостью. Финал. Ей будут аплодировать. Все лавры ей, зарубившей театр. Я не рассказал об этом Корогодскому. Думал – он сам поймёт.

Корогодский понял, что спектакль не парадный, а о чём-то больном. Он после представления вышел на сцену и дрожащим голосом сказал, как его задело то, что показали. Как праздник смешался со щемящей нотой.

- У меня вопрос: кто же на самом деле сейчас рубит этот сад?

Я подумал: он понял всё, он догадался, почему и я и его ученик Юрий Котов ушли из театра, почему отсюда всегда уходили талантливые люди. Именно поэтому, когда я сказал ему, что ухожу, он не удивился.

Я не знал, не угадал тогда, какова его миссия.

Корогодский, как мне рассказывал Кац, встречался с А.Ф. в Москве. Разговорились о Свердловске, обо мне, о Толе. Кац высказал Корогодскому мою обеспокоенность, З.Я. сказал обо мне хорошие слова и пообещал приехать в Свердловск и сделать всё возможное, чтобы исправить ситуацию в мою пользу.

Год тому он был ещё в полном загоне. Я встретил его у театра Сатиры, подошёл, напомнил о себе, о своём неудачном поступлении к нему на режиссёрский в 65-ом, затем об экзамене в театральный в 72-м, когда я поступал на стажировку к Товстоногову, а он хотел меня взять к себе. Говорил о том, как я преклонялся перед созданным им ТЮЗом. Он спросил, где я сейчас? Я рассказал про Ригу, про 8 лет работы с Кацем, про переезд в свердловский ТЮЗ.

Он старчески кивал. Глаза слезились.

- А не можешь пригласить меня в Свердловск? Я бы с удовольствием посмотрел твои работы.

- Хорошо. Я приеду и поговорю с директором.

Янина Ивановна спросила:

- А он разве не сидит? В тюрьме не сидит? Ну, вы же знаете за что?! Его выпустили? Мне надо посоветоваться в обкоме. А что это нам даст?

Я понял, что это дело тусклое.

Но вдруг через некоторое время Янина Ивановна сказала:

- Ему должны вернуть звание. Мы – первые, кто его приглашает. Обком разрешил. Это даже выгодно нам для нашей репутации. Однозначно!..

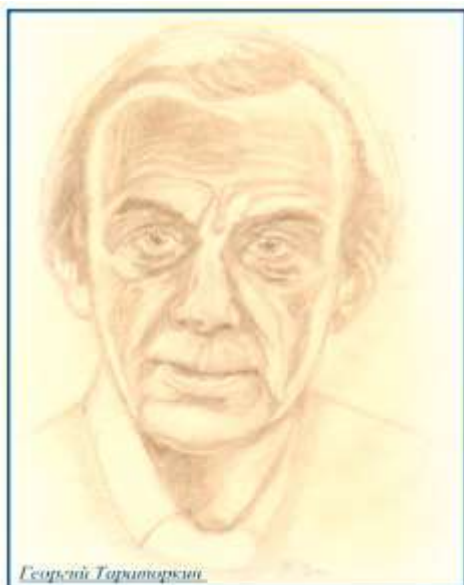
И мы с Лоевским сделали Корогодскому вызов.

Он прилетел и поселился в той же гостинице, где мы жили с Ларой.

Вечером он сидел у нас в номере.

Несчастный. Опушенный. Но всеми силами завоёвывающий доверие.

Я тогда не записал его двухчасовой монолог-исповедь про то, как его увольняли из ЛЕНТЮЗа директриса. Помню, он говорил, что всё это было специально подстроено. Конфликт с директрисой был давним, долгим, и то, как якобы его застукали с рабочим сцены, было явной постановкой. Теперь ему возвращают звание и вскоре должен состояться его творческий вечер.

В моём кабинете он не отходил от телефона. Бесконечные междугородние переговоры с Георгием Тараторкиным об организации его творческого вечера.

Янина Ивановна намекнула на то, что мы с Лоевским и Праудиным должны как-то остановить его телефонные переговоры, потому что не знает, как обосновать будущие счета. А он всё звонил и звонил.

При этом улыбался

- Это не я, это они хотят организовать мой творческий вечер.

З.Я.Корогодский

В перерывах между телефонными разговорами он смотрел спектакли и исчезал с Лоевским. Постепенно его отношение ко мне менялось с дружелюбного на агрессивное.

Увидев "Дети синего фламинго", он попросил собрать труппу.

- Есть спектакли, в которых большой потенциальный запас. Они развиваются в течение проката. Они едут по твёрдо проложенным рельсам. Есть спектакли, которые надо заводить в ремонтное бюро. Таким я считаю увиденный мной только что спектакль...

И далее полный разнос.

Его остановила Ия Шаблакова.

- Мы все видели, каким был спектакль и каким он стал после вмешательства С.М. Это ночь и день. С.М. – ты, Витя, не обижайся, - обратилась она к Поцелуеву, - взял и из безнадёжного спектакля, поставленного Витей, вытащил эту работу, которую не стыдно играть. Я

уже не говорю о сплошных аншлагах.

- А разве это не спектакль С.М.? Программку дайте.

- С.М. не подписался под этой работой. Все лавры у Вити.

Корогодский несколько стушевался и свернул обсуждение.

Но агрессия возобновилась после увиденных им "Отцов-66".

Нестеров в роли Кузнецова. Отцы -66

- Работа приличная, но у тебя две кардинальных ошибки. 1.

Нельзя на выпуске так влюбляться в артистов. Ты теряешь бдительность.

Отсюда ритмические просчёты 2. Ты не умеешь мизансценировать.

Почему не используешь вертикально-горизонтальный принцип построения мизансцен?

- Как это?

- Вот она – необученность. Сцена со сталинистом Кабалиным. Он у тебя такой обаятельный, будто за ним будущее. У тебя Кузнецов-Нестеров сидит, а Кабалин, хоть и маленький, но нависает над ним. А надо было так построить, чтобы Кабалин ползал по полу, рылся в бумагах и ползал. Советую тебе – переделай!

- Нет, мне нужен живой человек, со своей субъективной

правдой...

- Он и будет живой, но это должен быть отрицательный персонаж...

- З.Я., извините, но от вас я в страшном сне не ожидал услышать отрицательный-положительный.

- Вот это упрямство и погубит тебя, запомни.

И вот тут он захотел ещё раз собрать труппу. Но я настоятельно потребовал, чтобы он посмотрел спектакль Толи Праудина. Спектакль про школьников, куда Толя вкрапил фрагменты из "Преступления и наказания".

После просмотра Корогодский, Толя и я сидели в моём кабинете. Корогодский, сидя на моём месте, в моём кресле взорвался.

Анатолий Праудин

- Почему ты не дал мне собрать труппу, разобрать твой спектакль, а заставил смотреть эту первую, по сути, ученическую работу Праудина?

Впечатление, что я вызван к нему на ковёр. Я попал в стопор, растерялся. У меня была надежда на довольно серьёзный разговор. Но шоковая терапия Корогодского абсолютно опрокинула мой план.

- Повторяю, объясни, почему ты не позволил мне собрать труппу?

Я думал. Ну, первое. Я вызвал Корогодского сюда, во всяком случае был инициатором его приезда, я рисковал, провоцируя его реабилитацию. Ещё признают и меня голубым. Это риск. Но я любил его бывший ЛЕНТЮЗ и хотел реабилитации всего им сделанного. Другое дело, что реабилитация Корогодского шла уже помимо меня. И что в результате? Выслушивать его публичные погромы? Кто на него влияет? И так быстро? Лоевский? Так, об этом не думать, отложить эту тему.

Второе. Направление режиссёрского пути Анатолия. Толя никому не подчинён, и не надо, да и не на подчинение расчёт. Мне не надо с ним бороться, ставить палки в колёса, выживать его. Не знаю, как он на самом деле относится ко мне, его слова - «для меня каждая ваша работа гениальная, она вне обсуждения» - я воспринимаю, как «я не мешаю, и вы не мешайте». И я не мешаю, помогаю, как могу, как это было в его работе над «Алисой в Зазеркалье», где надо было отложить выпуск из-за неготовности декораций – отложил, надо было быть завпостом, проводить совещания по выпуску – проводил, надо было подавить актёрский бунт – «Мы не будем одевать эти костюмы, пахнущие клеем» - подавил.

Сказал труппе:

- Мы вместе строим театр. Свердловский ТЮЗ. Я работаю с режиссёром, которому доверяю, слышите вы это? Очень прошу услышать!

Но сегодня вопрос иной. Как не нарушая чести, достоинства, желаний Толи Праудина направить его поиски в то репертуарное русло, которое мне мерещится? Речь о направлении развития репертуара, но это дело такое осторожное, хрупкое. Если надавить на Толю, то это вырубить корень. Тут разговор должен быть тонкий. Если бы Корогодский начал его так:

- Этот Толин спектакль напомнил мне начало моего пути в ЛЕНТЮЗе. - И всё пошло бы по нужному мне руслу.

Но Корогодский так не сказал. Он продолжал:

- Абсолютно ученическая работа Анатолия. Что ты мне хочешь доказать? Что это его нынешний уровень? Он уже давно вырос из этого спектакля. Он двинулся дальше. Если тебе, как главному режиссёру, не нравится этот спектакль – сними его. И не позорь своего коллегу. Отвечай, зачем ты заставил меня это смотреть?

Я взглянул на Толю, тот улыбался:

- Анатолий Аркадьевич, можно вас попросить выйти? Я хочу поговорить с З.Я. с глазу на глаз.

Толя пожал плечами, нехотя встал, развёл руками, мол, подчиняюсь и... вышел. Корогодский передёрнулся

- Ну, и что такое особенное ты хочешь мне сообщить?

Я знал, что хочу сказать. Но абсолютно не мог найти, с чего начать?

- Скажите, З.Я., что для вас значат ваши первые работы в ЛЕНТЮЗе? Вы готовы их предать?

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду мои любимые спектакли. И в первую очередь – "Тебе посвящается".

- Ну, старину вспомнил.

- А чего вспоминать? Я могу рассказать об этом спектакле в деталях. Тараторкин в финале –

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Мила Вагнер, в которую я влюбился. Кира Филинов, до сих пор не понимаю, как можно так точно сыграть мальчишку из нашего класса, купающийся в роли шестиклассника Боря Лапин. Директор школы – Карандышев. Старшеклассники Фёдоров и Хочинский с гитарами. Ещё рассказывать?

- Ну, у тебя и память.

- Да, а вы это предали? Считаете эту первую работу ученической?

- Ну, до этого были "Коллеги."

- И "Коллеги" тоже готовы предать? С Яковлевым, потом Колей Ивановым в роли Зеленина, с Евгением Шевченко в роли Максимова, с Геннадием Верновым в роли Карпова? С Ниной Дробышевой в роли Инны, с Ольгой Волковой в роли горничной, где каждый выход на аплодисменты? С Лысёнок? Всё это ученичество? Которое надо выкинуть из памяти и забыть?

- Что ты хочешь сказать?

- Я хочу сказать, что вот эта работа Толи Праудина, которую вы сегодня увидели, которая состоялась даже без музыки (не знаю где радист, его ищут), и всё-таки спектакль даже в таком виде взял полный зал школьников – вот этот спектакль Толи – это абсолютная переключка с вашим началом работы в ТЮЗе, это то направление, которое он на новом витке чувствует, как никто. И не знаю, заметили ли вы, какая органика их существования! Не было бы её, не захватило бы зал.

Можно найти уникальную детскую сказку, можно найти материал для вечернего спектакля, но мне нужны спектакли для переходного возраста, для подростков, это свободная ниша в репертуаре, и именно Толя мог бы её на высоком уровне, а не на подделках.

- Ну, и зачем ты его выгнал? Сказал бы это при нём!

- Так вы не даёте! Вы про ученичество, про снятие спектакля, а мне нужно, чтобы он при всех своих поисках, искал бы и идею вот такого направления! И не надо его сбивать! Стыдить ученичеством! Вы его выталкиваете из темы, которую он кожей ощущает, порами. Тут особая органика, особый сговор с артистами, неужели не чувствуете? Если вы приехали помогать театру, то помогайте. Помогайте, умножая ваше мнение на то, каким я вижу будущее театра. Есть повесть Полякова "Сто дней до приказа". Не нравится? Есть ещё разного рода проза на эту тему. Пусть ищет. Он лезет в классику, а мне нужна его работа, задевающая старшеклассников. Но как его к этому привести? Это надо делать тонко, а не топором, как вы сейчас.

- Позови Толю.

Толя вернулся. Но Корогодский возвратился к своему творческому вечеру. Повторял, что якобы вечер этот ему совершенно не нужен. Но все просят. И периодически звонил Тараторкину.

- Этот будет? А этот? Этого надо уговорить. А как же?!. Да, я перезвоню...

Посидели, поговорили о сыне, Даниле Корогодском.

- Он – театральный художник. В США. У него там всё хорошо. И вы бегите отсюда, если есть куда. Здесь в ближайшее время будущего не будет.

Это было год тому.

Банкет. Шум. Музыка. Смех. Звон бокалов. Тосты.

Корогодский на юбилее театра. Восстановленный во всех правах, поговорив с Яниной Кадочниковой, с Олегом Лоевским, с артистами, он подошёл и позвал меня поговорить. С первых же его слов я понял: он решил, что я обречён.

Я не мог этого знать, я верил А.Ф. Кацу - "Корогодский повернёт ситуацию в вашу пользу" - и не думал, что он будет добивать меня.

- Ты сам во всём виноват. У тебя есть удачи? Что ты сделал за год? "Интердевочку" и "Этюды о детстве" в фойе? Это не серьезно. Ты не принёс труппе явной удачи. Только при её наличии ты имеешь право что-то требовать. Свердловская критика сильная, но у тебя нет с ней, как я понимаю, никаких контактов. Кстати, вот сегодня был замечательный вечер. Как он сочинён и поставлен! С какой болью, с каким смыслом! Ты хоть прислушался бы, о чём актёры сегодня играли. О рубке вишнёвого сада"... Ты хоть это понял?

Я подумал: он что – с ума сошёл? Как это я не понял? Сказал, что сам работал над этим спектаклем 6 последних репетиций утром и вечером. Да и до этого...

- Ты? А мне сказали – Иванский и Сизов. Почему об этом не предупредил меня перед началом?

- А зачем мне о чём-то вас предупреждать? Да я и не нашёл вас перед началом, а во время представления следил наверху за радио и светом. Я контролировал проведение...

Он тут же всё просёк и выдал мне такой текст, который задал загадку о нём, как о человеке:

- Ну, этот юбилейный спектакль - ерунда. Однодневка.

Только что возносил до небес за боль и смысл и тут же "ерунда"?

- А что дальше? Удачи у тебя есть? У тебя же нет ни одной удачи! А без этого ты – ноль! У Толи есть удачи. Как вы с ним?

Я сказал, что очень хорошо. Но операция ноги, его последующая работа не в ТЮЗе, а в драмтеатре... Он вернётся в ТЮЗ только с января будущего года.

З.Я. посоветовал мне всё же не уходить, не быть максималистом.

- Сейчас нигде не устроиться. Уходить некуда. Надо приспособливаться. Прости, со мной хочет поговорить Задерей-Сельдерей.

И ушёл от меня, разговорился за дальним столиком сначала с Задереем, а потом с примкнувшими нашими актёрами.

Янина Ивановна чувствовала себя на небесах, но снизошла до меня, так как юбилейное представление хвалило министерство.

- Ну, извините меня, что я начала банкет. Гости из министерства... Подгородинский... Тут все спрашивают: а почему не вы начали? Ну, я сказала, что вы с гостями... Ведь вы были с гостями?..

На следующий день 4 апреля 1990 года открытие фестиваля. Каждое новое число - новый театр Сибири, Урала и Дальнего Востока. Критика, и приезд иностранцев, в наш ТЮЗ, впервые. Иностранцы приехали ночью, но я приказал привезти их на дневной спектакль, поставленный мной. Это "Этюды о детстве" или "Начало". Янина Ивановна должна была встретить их, устроить в гостиницу, уложить спать, а потом к 15 часам привезти ко мне на спектакль. Она пригнала их утром на Кировчан, днём они пошли обедать, и вдруг она сказала, что к трём часам неизвестно кто из них к нам придёт.

Я ей:

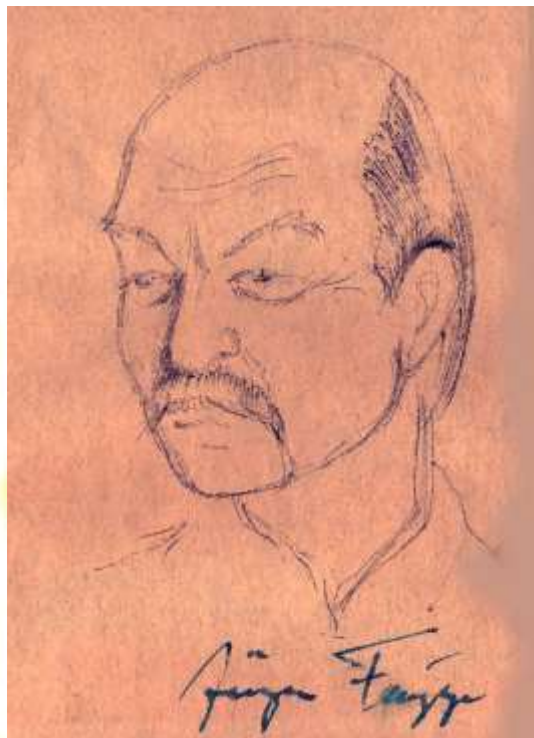
- Как же так?

Она:

- Я же не могу их заставить! После бессонной ночи прийти днём? Захотят – придут. Не захотят – не надо.

Я:

- Утром вы их пригнали на Кировчан, хотя они могли выспаться, а днём ко мне на спектакль не хотите привезти? Я буду жаловаться на вас Подгородинскому. Мне с вами всё ясно.

Она тут же куда-то позвонила, и итальянец (Грациано), ФРГ (Юрген Флюге), швед пришли.

Испанец нет, датчанин, на которого я надеялся больше всего, нет, французенка - не помню, англичанина не видел. Пришли Корогодский, Татьяна Константиновна Шах-Азизова – крупнейший чеховед, Александр Соколянский - "Советская культура", Кайлиш – говорят, известный критик. Мы должны были показать "Начало" или "Этюды о детстве", а обсуждать 9-ого апреля в день обсуждения всех спектаклей нашего театра.

Я заглянул в фойе. Два класса второклассников. Спросил:

- Неужели второклассники?

Действительно - второй класс.

Я к Янине:

- Как же так? На этот спектакль нельзя приводить второклассников, рано, только с 4-ого, с 5-ого классов, эти не поймут.

Она: - Зрителей собирал педагог.

Я к педагогу: - Как же так?

Педагог: - Янина Ивановна сказала: нагоните кого-нибудь.

Ну, вот что это? Кому верить?

Янине Ивановне, которая до сих пор не видела "Этюды о детстве"?

Однажды она заглянула на репетицию. Мы пытались ей прогнать сделанное. Она без умолку на носу играющих ребят болтала с Ларой. Лара не знала, как от нее отвязаться. Больше Янина Ивановна ни разу на этот спектакль с ноября 89 года не пришла. Всё как-то не получалось, хотя мы играем два-три раза в месяц. А я регулярно провожу обсуждения, до начала рассказ о студентах, об обучении, далее играем, потом разговор о спектакле. Так и в этот раз: Янина Ивановна занималась какими-то организационно-хозяйственными делами, а я пошел на Голгофу. Спросил второклассников, выдержат ли? Они обещали. Кое-что рассказал, но сбился, т.к. переводчики всех стран меня переводили, и я подумал, как нашим с Ларой ребятам будет тяжело играть под постоянный перевод. Мы с Ларой чуть посмотрели спектакль из-за занавески и ушли в кабинет.

Потом ещё раз нашёл Янину Ивановну. Свободна. Безмятежно-счастлива. Отживает вчерашнее.

Сказал ей:

- Вы попросили меня не возбуждать никаких конфликтов, быть на юбилее хотя бы для видимости едиными. Я согласился. По-моему, вчера на сцене я идеально себя вёл, сидел позади вас, когда вы принимали подарки и благодарности. Но сегодня я показываю спектакль, пусть студентов, но всё же это часть театра, честь театра. Вы даже не зашли. Почему?

- Да много дел. Вот минутка свободная.

- А мне кажется, вам просто наплевать. Как и на все, что я делаю в последнее время. Вы нагнали два класса второклассников, сами даже не удосужились

взглянуть, как там у нас дела. Вы же знаете, сто раз предупреждал, что этот спектакль надо смотреть не раньше, чем с пятого, ну, четвёртого класса! Фестивальный

спектакль, вам непременно нужно подставить меня.

- Никто больше не захотел прийти. Все школы уже посмотрели.

- Все? Все школы Свердловска? Все педагоги? Я же провожу обсуждения, я знаю, что педагоги говорят, они же общаются друг с другом: «Это надо смотреть всем, сколько школ вы не охватили?!» Конечно, если не готовиться, то сойдёт и так. Значит, знайте, пройдёт фестиваль, закончится сезон, я уйду.

- Хорошо, хотя я не понимаю – почему? - сказала она. - Вместо благодарности, у вас ко мне слишком много претензий.

Я признался, что действительно много.

Фестивальный спектакль её театра, и такая подножка. Ну, а далее мелочи, которых миллион. Скажем, ко мне вчера пришли гости. Я купил кофе, чай, но она приказала забрать у меня самовар. Почему? Почему она устроила около моего кабинета курительную комнату? Я просил сделать кабинет зав труппой.

Зав труппой Николай Харитонович

Думаю, это единственный театр в стране, где по решению директора и профкома рядом с кабинетом главного не кабинет завтруппой, с которым нужно постоянно общаться, а курительная комната. Для чего? Около кабинета, где я провожу застольный период, постоянный шум. Всем ясно, что это элементарное издевательство, вот, мол, смотрите, кто в театре главный. Она расколола коллектив. Она поощряет все сплетни и разводит новые. Театр превращается в склоку.

Вывод на всю оставшуюся жизнь: ДВОЕВЛАСТИЕ ПРИВОДИТ К СКЛОКАМ. СКЛОКИ УБИВАЮТ ЛЮБОЙ ТЕАТР.

- Решили уйти – уходите, только помните свои слова про то, что вы не меняете решения.

В общем, мы разошлись, пообещав друг другу, что разойдёмся, что нам друг без друга будет лучше. А уж театру – тем более.

Мы с Ларой подошли к концу спектакля. Я услышал аплодисменты, вышел, спросил второклассников, не устали ли? Задерживать не буду, просто хотелось бы узнать, где интереснее: в большом зале или здесь?

Кто-то из детей сказал:

- Интереснее здесь, потому что лучше видно и слышно.

Михаил Марченко, Игорь Битюцкий, Ольга Егошина, Наталья Гребёнкина, Олег Гетце, Денис Курышев, Игорь Петровиченков, Макарова, Дмитрий Лепихин

- А не смутило, что такие большие дяди и тётё играли детей?

- А очень похоже играли.

Я не стал проводить обсуждения, второклассники, спасибо, что высидели, поблагодарил и всех отпустил. Встали и наши критики, пошли отдыхать. Но вдруг... Иностранцы попросили задержаться и поговорить. Критики снова

заняли свои места. Я вызвал студентов. Вышли и расселись.

Первым, сидя на месте, взял слово Корогодский.

- В том, что я сейчас увидел – ничего нового. Эти эксперименты начались в Ленинградском ТЮЗе в конце 60-х...

Переводчики переводили, но вдруг немец представился (Юрген Флюге) и попросил слова.

- Да, я слышал о подобных экспериментах, но впервые вижу такой спектакль. Надо сказать, что, когда я зашёл сюда, занял место, оглядел пространство, настоящая детская песочница, лужа, дерево - я уже тогда сказал переводчице: "Вот здесь будет что-то интересное"... И ожидания оправдались. Всё, что я увидел сейчас, это живой театр, достоверное существование...

- Может, всё-таки меня дослушаем? – Перебил Корогодский.

- Да помолчите вы, - резко накрыла его Ольга Леонидовна Глазунова.

И он замолчал. Корогодский – обретающий прежнее величие – заморгал глазами, снял очки, протёр и замолчал. Неужели у Глазуновой такая власть над ним? Юрген продолжил:

- Я читал несколько книг одного крупного вашего режиссёра и педагога. Сейчас-сейчас, я вспомню его фамилию... Так вот, у него вся методика построена на наблюдениях, на вот таких этюдах. Я жизнь посвящаю изучению этой методики. И вот сейчас увидел её в деле. Это для меня, как открытие. Вот сегодня утром мы видели – город Киров - стандарт. А стандарт – тупик в поисках пути движения театров для детей. А сейчас я увидел, что движение детских театров существует. Есть куда двигаться... Куда двигался ваш великий театральный деятель. Вспомнил. Его фамилия Корогодский. Жаль, что он, как я слышал, умер!

- Да нет, Юрген, он жив! Более того, я хочу вам представить его. Вы его только что перебили. Он начал обсуждение. Вот он – Зиновий Яковлевич Корогодский.

Что тут началось. Юрген опешил, застыл в позе крайнего удивления, будто памятник. Корогодский растрогался до слёз. Тишина и аплодисменты. Объятья.

Корогодский:

- Благодарю вас за такие высокие слова, но считаю, что сам С.М., открывая сегодняшнее обсуждение, должен был сразу сказать, что его спектакль – это подражание спектаклю Ленинградского ТЮЗа "Открытый урок". В сегодняшнем спектакле нет открытий. Открытия сделаны задолго до Лосева...

И вот тут уже я:

- Во-первых, я не открывал это обсуждение. Во-вторых, если бы я и успел выступить, то, конечно бы сказал: «Помню спектакль «Открытый урок», будто видел его вчера. У меня даже сохранилась программка».

Без уроков Корогодского я не смог

бы заразиться его методикой. В-третьих, я не знал, понравится ли вам наш спектакль, а если понравился, то разрешите посвятить его вам...

Корогодский: - Милый мой, о таких вещах не говорят вслух...

Итальянец Грациано, которого я знал еще с фестиваля осенью в Ростове, стал рассказывать мне про свой спектакль, мол, мы работаем в одной системе координат. Я ответил, что видел его спектакль в Ростове, мне очень понравился спектакль: «Двое на крыше мира».

Это был самый запоминающийся, самый яркий спектакль на ростовском фестивале у Чигишева.

Владимир Чигишев

Вбежали, запыхавшись, Лоевский и Гущин. Винно дыша, видимо, с какого-то банкета. Замерли, открыв рты вылупив глаза. Ловили ситуацию. Вот при этой смешной мизансцене Юрген попросил встретиться со студентами ещё раз, поговорить. Я пригласил на занятие. Грациано присоединился. Договорились о времени. Швед тоже рассыпался в комплиментах. Они сюда шли с тем уровнем понимания театрального языка, какой им предложили кировчане сегодня утром, но выиграли мы. Итальянец вслух объявил, что мечтает увидеть этот спектакль в Италии. Предложил подумать о турне. Декорации сделают там, нам надо взять с собой только костюмы и гитары. Правда, оплаты никакой. Суточные. Но какая это ерунда.

Лишь бы состоялось.

Уходя, Шах-Азизова шепнула мне: "Я бы вообще закрыла большие ТЮЗы и оставила вот такой."

Но что же с Корогодским? Как он заюлил. Оказывается, это заметил не только я. Как потом сказали оставшиеся на осуждении московские критики и члены международной ассоциации детских театров, у Корогодского трагедия возраста и бывшей славы.

Азалия Всеволодовна Блинова, - наш с Ларой соратник, потрясающая педагог по речи, хотя кроме Валерия Николаевича Галендеева, я ни в каких педагогов по речи не верю, а вот надо же поверил в Азалию Всеволодовну, - достала двести рублей и предложила пригласить Юргена пойти со студентами в ресторан. Конечно, это отличная идея. Но как, с чего я отдам ей эти двести рублей?

Азалия Всеволодовна Блинова

- Нет-нет, Азалия Всеволодовна! Не надо в ресторан, не надо. Да ещё со студентами. Давайте дождёмся конца фестиваля.

Это была моя промашка. Юрген стоял рядом, и мне показалось, что он всё понимает по-русски.

Я вошёл к Янине в кабинет, сказал о приглашении в Италию. Она скептически посмотрела, не поверила. Но вернула мне самовар. На всякий случай. И кстати. Потому что с этой минуты у меня в кабинете самоорганизовался штаб. Почему-то все назавтра сбежались ко мне. И с утра до ночи мы с Ларой поили всех чаем, кофе и сигаретами. Я даже не хотел, чтобы они смотрели "Интердевочку". Отговаривал. 5-ого апреля все смотрят три детских спектакля. "Интердевочка" в 21-30. Устанут. Кому охота? Может, не надо? Ну её к чёрту. Всё испортит. Критики скажут, что я занимаюсь конъюнктурой и отвернутся от меня, к тому же за день три спектакля, а "Интердевочка" в 21.30. Если даже придут, то смотреть три часа? Кошмар.

Но малый зал, 80 мест, пришли, еле рассадил, и я пошёл пить чай и слушать спектакль по радио. Вдруг ко мне вбежали актёры. Случайно за кулисами разбили бутылку, сделанную по спецзаказу для битья о голову в сцене насилия. Нет бутылки, а дубль в кабинете завпоста. Завпост Валерий Николаевич Куневич запер кабинет и пошёл домой.

Я к заму Катаеву. Ушёл домой. Я к Янине. Уехала. Никого в театре. Никого, кроме меня. И занятых в "Интердевочке". Я бегу к кабинету завпоста и плечом вышибаю дверь. Беру запасную бутылку и приказываю вахтёру опечатать кабинет. Сволочи! Фестивальный спектакль театра,

который организовал этот фестиваль. И никто не дежурит. А в спектакле стёкла, сколько раз бились. Сколько ломались фары.

Гас свет, что-то неладное с пультом, должен дежурить электрик! Никого.

Бог с ними, думаю, всё равно из этого театра уйду.

В антракте ко мне пришёл спец радио корреспондент. В восторге. Сказал, что по ходу записал ряд сцен. Одна из них оказалась Ларина с итальянцем. Будет делать отдельную радиопередачу об этом спектакле. Эфир по маяку ночью в апреле-мае.

После спектакля обнаглел, пошёл смотреть, кто остался до конца. Шах-Азизова перед началом предупредила, что после первого акта уйдёт. Ушла. Соколянский поздравил, передал, что Кайлишу понравилось, Корогодский полез обниматься. Я от него бежать. Итальянец заорал "брависсимо". Швед жал руки. Ничего не понимаю.

Ночь была бессонной.

Спросил Лару:

- Ты понимаешь, что происходит?

- Какой-то поворот в нашу сторону. Понимаешь, они не предвзяты. И Лоевский пропустил захват руля.

Лоевский Олег Семёнович.

Ещё в Риге, год за годом приглашая меня в Свердловск, Янина Ивановна предупреждала, что некий завлит Лоевский очень опасный человек, что его надо уволить в первую очередь. Почему? Так и не понял. Вроде бы какой-то заговорщик. И надо бы поставить условие перехода в Свердловский ТЮЗ – увольнение Лоевского. Но я не понимал. Как это так? Я же не знаю человека. Попросил не только его, никого не трогать. Познакомлюсь – разберусь.

Приехал ставить Шукшина, познакомился. Что Янина наговаривает? Обаятельный, контактный. Но одно маленькое "но":

просит не ставить Шукшина. Мол, не наш автор.

- А кто – ваш?

- Свердловск считает себя второй столицей. Если не первой. Здесь надо делать резкое движение, рисковать, открывать. Не слышали о пьесе Шеффера «Эквус»? Нет? Одна из лучших мировых пьес 70-х. Выходит парень и первая реплика – «Пошёл ты на х...». Зал в шоке. Пьеса про подростка, обожествоившего лошадь...

- Может быть это и замечательная пьеса, но тут одно препятствие. Я не буду ставить спектакли, где со сцены ругаются матом. Ну, а насчёт Шукшина, это как поставить?

И думаю: Лоевский же меня не знает. Поставлю – все претензии исчезнут. Вдруг он круто меняет точку зрения:

- Ставьте. Я не против. Я просто выразил сомнения.

И это нормально.

Поставил. Критика пришла на предварительный просмотр и разгромила спектакль. Главная претензия – я сделал памятник Шукшину. Вот, мол, уже ставим его на пьедестал.

Ну, ладно. Я жёстко ответил критике.

- Во-первых, я не против памятника Шукшину. А если то, что на поклонах актёры кладут гроздь калины на светлое пятно в центре сцены, вы считаете пьедесталом, то я за такой пьедестал. Во-вторых, кто вас сюда позвал? Кто? Спектакль рождается, академическим станет на пятый показ. Приходите, посмотрите и тогда делайте выводы.

Только переехал в Свердловск, как появилась погромная рецензия на Шукшина. Без разбора по существу. Статья-лозунг: «Школьникам такой спектакль не нужен. На сцене – одно. В зале совсем иная жизнь!»

Я к Лоевскому: - Критик был на спектакле, когда я ещё был в Риге. Это было массовое посещение? Нагнали школы, да ещё в то время, которое школам удобно? Но в таком случае никакого искусства быть не может, не правда ли? Надо как-то защищаться, вам не кажется?

Он: - А как? Они пишут, что хотят. Им не прикажешь.

- Но может, найти какого-то критика, который сделает анализ спектакля? Тут же просто незаслуженная расправа.

- А где взять критика? Помните, на первом показе критикам, вы их всех назвали профессионально непригодными?! С критиками здесь надо работать кропотливо, осторожно, приглашая заранее на репетиции, этапы, нагибаясь, выслушивая их замечания, предложения. А вы их ногой за дверь.

- Я пригласил их на пятый спектакль...

- Вот и пришли...

Всё лето по приезду не отдыхал. Писал инсценировку по повести Антонова "Васька". Я прочёл прозу, и она меня задела. Для подростков. Честная тема. Хороший язык. И, главное, это открытие. Ни один ТЮЗ не заявил. Это важно для начала моей программы здесь.

- Что вы пишете? Инсценировку? По какому произведению? Антонов? "Васька"? Хорошая проза?

Через несколько дней захожу к Лоевскому в кабинет. Он говорит по телефону.

- Да-да, "Васька" – это повесть Антонова. Ну, всё. Созвонимся.

- Извините, я слышал что-то о "Ваське". Я не ослышался?

- Нет.

- А что случилось?

- Да Дима Астрахан звонил. Ему в ЛЕНТЮЗе предложили постановку. Я посоветовал сделать инсценировку "Васьки".

- Слушайте, а вам не кажется, что это... не знаю, как сказать... неприлично?

- Не понял.

- Ну, это же моя идея.

- Да перестаньте, С.М., повесть свежая, эта идея в воздухе носится.

Я стал его побаиваться.

Владивосток. Играем в ТЮЗе "Интердевочку". Захожу в зал под финал. Сзади сидят две похотывающих женщины.

- Смотри, это он, точно он, мне его Алик описал. (Алик – это Лоевский?)

Ну, описал и описал. И что из этого?

Через день грязная, оскорбительная рецензия на спектакль. Даже ездил в редакцию. Но редактор так мило объяснил мне, что у нас давно свобода слова.

- Что вы обижаетесь, С.М., это называется "жёлтая пресса". Не обращайте внимание.

Может, совпадение? Может, критик – не из этих женщин?

Выпускаем "Этюды о детстве". Лоевский вычитывает программки. Вместо Гурьянова напечатано "Курьянова".

- Как это получилось? И такой большой тираж.

- Ну, казните. Досадная опечатка.

Лара: - Это он шутит-шутит. Ему же не нравится, что я курю.

Как-то говорил о Лоевском с Толей Праудиным.

Толя: - Лоевский – враг каждого главного режиссёра. А очередному он – лучший друг.

Я – И как быть? Я привык, что дружу с завлитом. Конечно, можно прожить и без друга-завлита, но если он враг? Я же не могу озвучить ему ни одну свою идею. Вместо того, чтобы меня напивать, он их у меня ворует.

Толя улыбался: такова ситуация.

Время, когда требуют планы на год. Решил ставить "Сотворившую чудо". Озвучиваю заявку на пьесу Гибсона. Лоевский при мне, совершенно не стесняясь, звонит в Рязань и предлагает это название.

У меня накопилось. Сорвался.

- А вам не кажется, что вы воруете у меня идеи? Причём, не первый раз, в наглую?!

- Мне эта идея пришла параллельно.

- Я привык к тому, что завлит – друг. Что он напивает меня идеями, а не ворует и дарит разным

театрам. Вам не кажется, если так будет продолжаться, то мы больше не сможем работать вместе?

- Да? И кто из нас должен уйти?

- По-моему – вы.

Улыбнулся.

- Хорошо, я подумаю.

Дальше работали врозь. Встречались на совещаниях, общение корректное, будто и не было того разговора. Просто вакуум вокруг меня увеличивался. А за вакуумом Янина Ивановна, предлагавшая мне когда-то изначально уволить Лоевского, была уже с ним в союзе.

Время прошло, и теперь решил уходить я.

Ночь после "Интердевочки"

Да, - повторила Лариса, - Лоевский пропустил захват ситуации. На "Этюды", был уверен, иностранцы не придут. "Интердевочку" угробят за выбор материала.

На следующий день всё разговоры об "Интердевочке".

Зашёл Соколянский:

- Спектакль сделан со вкусом. Романс на стихи Пастернака. Как вам пришла эта идея?

- А это же заложено у Кунина. В середине спектакля, помните, девочка вспоминает и не может вспомнить стихи? И вот в начале миг перед смертью. И через весь спектакль в конце вспомнились.

- Это у Кунина Пастернак или вы придумали?

- У Кунина.

- Интересно. И оформление сомкнулось.

Зашла Марина Тимашева. Александр Соколянский ей:

- Ты зря, Марина, вчера не была. Хороший спектакль.

- Простите, но я не верю.

- А почему?

- Нельзя из такого автора сделать что-то хорошее... Скажите, а можно мне с подружкой надеть ваши театральные костюмы? Из классического репертуара? Нам очень хочется в них походить.

Вообще-то это как-то не положено. Есть актрисы брезгливые. Узнают – потом откажутся надевать платье. Но и ссориться не хотелось. Вызвал костюмершу. Объяснил просьбу. Та пожала плечами.

- Раз вы простите.

Зашёл Подгородинский с Яниной Ивановной. Уважительные слова о спектакле. Об актёрах. О решении. О вкусе.

- Что вы будете ставить дальше?

Перечисляю.

"В ожидании козы" – это интересная идея. И для молодёжи, и в 91 году 50-летие начала войны. Согласие автора есть?

- Он умер. Но мне прислала письмо вдова. Она одобрила инсценировку.

- Давайте сделаем гос. заказ.

- А что это?

- Ну, это министерство оплачивает вам всё: от инсценировки до декораций и костюмов. И ещё, возможно, за постановку спектакля. Как вы считаете, Янина Ивановна?

- Не знаю, у меня нет однозначного мнения. Инсценировку С.М. написал, мы её оплатим после премьеры, декорации делаем, средства есть, с актёрами С.М. начал работать, да там в основном студенты. Зачем государственный заказ? Труппа удивится. Всё же уже в работе. Мы и сами справимся. Что вы сами С.М., думаете?

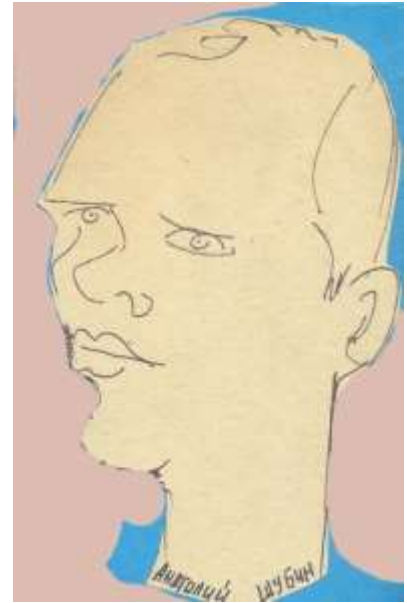
- Да неловко как-то, чтобы министерство оплачивало. Это значит, я обещаю сделать великий спектакль, а это эксперимент, ещё неизвестно, как это получится?

- Ну, смотрите, думайте, я предложил.

Зашли выпавшие иностранцы. А я как раз вызвал участников "Интердевочки" на разбор.

Итальянец, ФРГ-шник захотели встретиться с актёрами. Встретились, но как-то вяло всё прошло. Compliments и никаких предложений. Потом они мне сказали, что вывоз спектакля стоит сумасшедшие деньги - два миллиона не знаю рублей или долларов. Итальянец и швед разговаривали со мной отдельно. Швед предложил что-нибудь поставить в Швеции в обмен на его

постановку у меня в театре. И тот, и другой сказали, что за два года в мире они не видели ничего подобного. Что все друг у друга воруют, а этот спектакль абсолютно нов, и воровать будут из него. Итальянец в июне будет разговаривать с министром, спросил, нет ли у меня выхода на Губенко, не могу ли я сам связаться с Турином в Италии? В общем, кое-что должно проясниться к нашей встрече в Швеции. Они там будут на каком-то театральном съезде Грациано предложил ещё такой вариант: я, Шубин-художник и Надя Озерова выезжаем в Италию и ставим спектакль с итальянскими актёрами. Надя учит монологи по-английски, диалоги играет по-русски, а все актёры по-итальянски. Синхронный перевод стоит очень дорого. ФРГ-шник (Юрген) сказал, что ничего вообще не обещает, т.к. он человек дела. Но просит меня сделать из "Этюдов о детстве" машинописную рукопись - пьесу и привезти её в ФРГ. Он раньше, работая в Мюнхене, вывез туда Рижский ТЮЗ, но сейчас в маленьком городке, в маленьком театре без средств. Хотя мечтает, чтобы у нас с ним продолжился контакт, потому что он, изучая Корогодского, поклоняется ему. И он уверен, что мы - и я, и он - работаем в этой системе. ФРГ-шник мой ровесник. Сказал, что ненавидит нацизм, но, к сожалению, приметы нацизма есть в нашей стране.

Анатолий Шубин, главный художник ТЮЗа

На следующий день днём в перерыве между спектаклями иностранцы должны были прийти ко мне в институт на занятия. Целую ночь после сумасшедшего дня мы готовились. Договорились с Яниной Ивановной, что она подвезёт их в три часа к институту. У них до пяти свободное время. В пять машиной в театр. В три их не было, мы стояли с Ларой и ректором час на улице.

Бабенко Владимир Гаврилович ректор ЯГТИ

Студенты купили соков, кофе, не выспались, но держались. В четыре позвонила Янина Ивановна, сказала, что иностранцы передумали. Они были на заводе на экскурсии и не захотели к нам ехать, решили отдохнуть. Я поразился их необязательности и злой поплёлся в театр. Вечером столкнулся с ними. Как они извинялись! Они говорили, что просили отвезти их в институт, но их держали, удерживали на заводе, сказали, что машина будет позже, только после 16-и, а это уже поздно, свободное время до 17-и. К вечеру в ТЮЗ добрались и студенты. Иностранцы их увидели и перед каждым персонально извинились. Попросили встретиться ещё раз. А я

отпустил двух студентов в Ленинград на чтецкий конкурс. Они должны улетать.

Пошёл к Янине Ивановне:

- Как же так?

Она: - Вам все врут, никто из иностранцев к вам к вам на занятия идти не хочет. И вам давно бы надо понять: не студентами бы, а артистами надо было однозначно заниматься. И с "Интердевочкой" враньё. Никуда вас не приглашают. У них нет никаких полномочий.

Так вдруг захотелось кинуть в неё чем-нибудь. А потом подумал: ну, вот что она делает? Может, она и хочет моего срыва и провоцирует? У них нет полномочий? Возможно. Даже наверняка так. Но они ездят на все фестивали. За ними кто-то есть. И чтобы дальше котироваться в

АССИТЕЖ они должны сделать что-то не только для себя, но и для тех, куда ездят. Это начало сотрудничества. Оно всегда сложное, как у первопроходцев. И все это понимают. И что же тогда Янина так вцепилась в иностранцев? Ни меня, ни наших актёров к ним не допускает? Тоже чувствует, что это начало контакта, который непременно так или иначе будет продолжен.

Ольга Леонидовна Глазунова, зав кабинетом детских театров:

- Не понимаю, С.М., почему со всеми иностранцами общается только директор театра? А вы? А артисты? Неужели неинтересно? Неужели нет желающих помочь и пообщаться?

Иностранцев много, они тыкаются, как слепые котята. Куда? Чего? Что дальше?

Я вызвал несколько актрис, передал наш разговор с Ольгой Леонидовной.

- Скажите, С.М., вы видели объявление - "Столовая закрыта"?

- Кто приказал?

- А как вы думаете – кто? Конечно, Янина Ивановна. Закрыла столовую, сама втихаря привезла обеды для иностранцев из "Космоса" и потихоньку их и критиков пускает. Приказала нам установить дежурства, встать у входа и "Русских не пускать".

- А вы?

- Мы предложили ей самой встать у входа. Янина так орала на нас! Грозила. Вы знаете, она будто очумелая.

- И вы там стоите и русских не пускаете?

- А что делать?

Вдруг Янина зашла ко мне в кабинет.

Я заговорил о столовой.

Янина: - СМ, сколько раз вы говорили, что в финансовые дела не вмешиваетесь. Столовая во время фестиваля – это дела финансовые. Вам не надо **залазить** в эту проблему.

Улыбнулась:

- Удивительно, но вы знаете, действительно, иностранцы хотят к вам на занятие.

Поразительно. Я им предлагаю поездку на границу между Европой и Азией, а они - только к вам.

Занятие провели нормально. Грациано, Юрген и швед ещё лишний час просидели, болтали с ребятами, не хотели расходиться. Но у нас уехали в Ленинград два студента, и мы не показали то,

чего они, как казалось, они ждали. Я им обещал несколько этюдов из продолжения - "Начала" - "Началось".

*Денис Курышев Игорь Битюцкий, Дмитрий Лепихин Олег Гетце
Макарова Михаил Марченко Петраченков Марина Егوشيца
Ольга Гордийчук*

Потом на итоговой конференции обратились ко всем руководителям театров: "Неужели у вас нет ни одного спектакля о жизни старшеклассников? Про ваши беды? Про наши общие проблемы?"

Про первую любовь, про непонимание родителей и детей, про наркоманию, про проституцию, про самоубийства?

А это вторая часть "Этюдов о детстве", которую я не смог показать из-за срыва того занятия.

Они сказали: "Только два спектакля мы приняли полностью". И назвали мои спектакли.

- Остальные спектакли, - сказали они, - как свердловские прямоугольные дома, такие же прямоугольные.

Это сказал немец, поддержал итальянец, швед. Испанцу и шведу понравилась "Алиса в Зазеркалье", француженка записала Толины данные и сказала, что хочет снять "Алису" на французском

телевидении. Швед предложил Толе постановку в его стране.

Московские критики сказали, что в нашем театре есть просвет, надежда на будущее развитие ТЮЗов. Свердловские критики, не давшие Наде Озеровой премию за лучшую роль, сказали, что видели "Этюды о детстве" ранее, но тогда это был сырой спектакль, видимо, сейчас он вырос. "Интердевочку" они зарубили и уничтожали на обсуждении в СТД неделю до фестиваля. Поэтому промолчали, выслушивая реплики Соколянского, Шах-Азизовой про мой вкус, с которым я поставил Кунина.

Потом гуляли с Татьяной Константиновной Шах-Азизовой.

Она пожалела, что действительно не смогла посмотреть второй акт (телефонные переговоры) и сказала, что с таким вкусом "Интердевочку" поставить сложнее, чем классику. Классный комплимент! Гуляли полтора часа, и я рассказал ей всё про наши с Яниной Ивановной отношения.

Но это отдельный разговор, очень длинный. Она, конечно, тонкий, мгновенно на лету всё схватывающий человек. Пожалела, что мы вот так поговорили с ней лишь в последний день, я ответил, что раньше, до того, как она увидела мои работы, говорить с ней было нетактичным. А потом мы с Ларой просидели с ней на прощальном банкете, на который Янина Ивановна вынуждена была пригласить нас с Ларой, но не труппу. И нас пригласила как-то осторожно, с надеждой, что откажемся. 10 рублей с русского человека из Свердловска. Мы заплатили 20 рублей. Пригласила нас, иностранцев, критиков, хотя скажи труппе: «Заплатите десятку», - и все бы пришли.

Шах-Азизова сидела с нами, искала со мной выходы из тупика, но не могла найти.

- Через года два-три изменится что-то, профком не будет иметь такую власть, вырастут студенты, смените администрацию, можно будет как-то набрать свою команду. Потерпите.

- Да, но я города не знаю, не знаю людей, нет контактов, ну, уволю эту администрацию, а дальше кто? У меня нечем всех их заменить. Кроме того, сейчас никого из администрации театра не убрать, в этом городе они все повязаны. Недаром начальник управления культуры после моего объявления о возможном уходе так ни разу не встретился со мной. На фестивале, вроде,

промелькнул, и растворился. Странно, здесь Подгородинский из министерства, а Софронова нет. Меня поздравляли. И первый Подгородинский. Далее и Соколянский, и Кайлиш.

Виктор Кайлиш

К нам с Шах-Азизовой с бокалом подошёл Корогодский:

- Что вы так смущаетесь? Вон какой успех! Угадали движение ТЮЗов. Один вы. И сидите так тихонечко. Кокетничаете? (Ларе) Ну, а ваша работа, Лариса, такая яркая, лёгкая, вы с таким юмором сыграли.

Лариса: - Да? А в своё время вы меня к себе на курс не взяли.

- Я? Вы ко мне поступали? И я не взял? Не может быть! Ну, я не знаю, как мне выпросить прощения?

Янина Ивановна подбежала, прижалась, поцеловала в щёчку иудиным поцелуем и действительно заплакала.

- Это я от счастья.

Николай Жегин критик

Елена Ивановна критик

Поговорив с Подгородинским, она поверила, что при контакте с министром культуры Николаем Николаевичем Губенко, при наличии поддержки города, поездки за границу

СОСТОЯТСЯ.

.....

С Лоевским я уже давно не борюсь.

Он подошёл ко мне и сказал, что надо выступить с кратким отчётом о фестивале по телеку. Я предложил это сделать ему. Он отказался.

- Только вы.

Я спросил:

- Почему я?

- Вы – Ленин!

Ответил:

- А вы – Троцкий! Ленин Троцкому в 1917-м верил. Так что вы выступайте на телевидении.

- О чём говорить?

- О том, что вы, именно вы организовали этот фестиваль! Без вас он бы не состоялся!

- Шутите, да?

- Почему? Конечно – вы! А кто – Янина Ивановна, что ли? Сколько вы провели организационной работы! Расскажите о театрах. О спектаклях! И что мечтаете, чтобы этот фестиваль стал постоянным, международным! Ну, а кесли совсем уж серьёзно, то мне, честно говоря, жаль одно. Здесь мог бы быть настоящий театр.

- Он и будет, - ответил Лоевский. – Театр всегда будет. Нас не будет, а театр будет. Настоящий, но другой.

Корогодский и Шах-Азизова

На заключительной конференции я всё-таки выступил.

- Фестиваль закончился и начинаются будни. И это важнее, чем фестиваль. А наши будни

начнутся в нашем большом зале, который вам всем не понравился, который произвёл на вас впечатление анахронизма, потому что не только в Европе, но и в нашей стране драматический театр и особенно ТЮЗ должен искать какие-то новые пути к доверию своего зрителя. И это путь и новых, ранее запретных тем, и более скрупулёзной работы с артистами, которая бесплодна, если зритель не видит глаз артистов, не может сопереживать его внутренней жизни, работе ума. Сегодня в ТЮЗовском зале на 800 мест не может состояться искусства. Вот и наш зал надо сократить на 400 мест. Многие здесь говорили о том, что ТЮЗовское движение зашло в тупик. По всем линиям: драматургия, работа с актёрами, зритель. Но всё это вместе – доверие. Доверие к материалу, над которым работаешь. Доверие актёрского состава режиссёру, режиссёра – артистам. Но главный итоговый результат – зрительское доверие. Зал на 800 мест диктует иное. Ценится тот режиссёр, который помогает и не сопротивляется желанию администрации набить зал кем попало. Лишь бы набить. А зал можно набить легко. Сказка за сказкой любого качества. Но для этого нужна ли режиссура вообще? Вот только что говорили с режиссёром, которому в его театре администрация сказала, что его режиссура не нужна. Думаю, скоро могут сказать и мне. А почему бы нет? То, что я делаю, не даёт денег. А труппе в 50 человек нужны деньги. А потом уже искусство. И поэтому все ваши замечательные слова приятны, но они для праздника, а не для буден. И в то же время все ваши высокие слова нехороши, потому что мы собрались здесь не для того, чтобы занимать первое, второе и третье места, а увидеть работы друг друга, обменяться мнениями и, может быть, осторожно, тактично чем-то друг другу помочь.

Я видел и на прежних фестивалях, и сейчас, как у многих режиссёров после публичного разбора их работ в присутствии труппы опускаются руки. И неизвестно, как они завтра смогут выйти к труппе. Тут кто-то радовался, что сменились поколения режиссёров, а меня это настораживает и огорчает. Мне бы не хотелось, чтобы после нашего фестиваля ещё раз сменились поколения. И так в ТЮЗах осталось мало людей, которые искренне преданы детскому театру. Режиссура – это мозг, интеллект, это ежедневная муравьиная созидательная работа. Режиссура – это как прослойка интеллигенции в годы революции, уничтожив которую сегодня, мы скатимся к вырождению театра.

(Я действительно послушал, как уничтожались другие работы. И мне стало худо, когда представил себя на месте режиссёра, слушающего критика, не смеющего возразить в присутствии труппы, которая мгновенно теряет в режиссёра веру.)

Корогодский тут же вскочил и стал поздравлять меня с таким выступлением.

- Обратите внимание: вот вам Лосев, победитель, а какой благородный! И надо прислушаться и почему нет телевидения и т.д., и т.д.

- А действительно: почему нет телевидения? Открытие фестиваля театров Сибири и Дальнего Востока.

- Так вы же выиграли, С.М. Зачем это Янине Ивановне? Зачем Лоевскому? Был бы кто иной победителем, телевидение было бы здесь. Потом будет серия телепередач, но обо мне нигде ни слова.

Даже наш местный теле режиссёр отпущен Яниной в отгулы.

А остались бы встречи, разговоры, атмосфера. Профком которой хотел меня стереть, не пришёл на заключительную конференцию. Как и ушли с первого обсуждения моих спектаклей, когда их признали, как открытия. Как только услышали похвалу "Этюдам о детстве" встали и ушли. Все запуганы. Молчат. Никто не верит в заграничные поездки. Янина Ивановна убедила всех, что это мираж. Но тут же игра. Сейчас она делает вид, что лучше

Зиновий Яковлевич Корогодский

союзницы, чем она, у меня нет. А на самом деле ждёт ухода. Но чтобы никто не обвинил Янину Ивановну, что она, именно она спровоцировала моё исчезновение.

- Вы как-то сказали, что если решили, то решение не меняете?

- Да, именно так. Уходя, ухожу.

- А если уйду я, то вы останетесь? (Заплакала). Я могу уйти ради благополучия театра.

Ну, это она выдала! Прессинг провокации. Я не знал, что ответить.

- Да нет, вы – опытный директор, зачем такие жертвы?

Ей нужно, чтобы я ушёл из-за труппы, из-за конфликта с её администрацией, но только не из-за неё.

Эпилог 1

Рига после Свердловска. Анатолий Аркадьевич Праудин-Кац. Теперь он – новый главный режиссёр Свердловского ТЮЗа. Должен ехать в Японию читать лекции о Станиславском. Мы шли по лесу, и он попросил меня очень коротко рассказать о методе Станиславского в

изложении Товстоногова. Я это сделал за три часа прогулки.

- Я выступил на труппе, сказал, что хочу приглашать в театр хороших режиссёров. В первую очередь СМ Лосева. Вы знаете, какая была реакция? Такая, как если бы сборная СССР по футболу выиграла бы на ЧМ у Бразилии.

Спросил: как у них с Лоевским?

Толя ответил:

- Лоевский – лучший друг очередного режиссёра. Но – враг каждого главного.

Толя вёл занятие со студентами. С нашими студентами, которых мы с Ларой передали Толе. 3 курс. На занятиях театральный критик В.

- Всё, чему вас учил СМ – забыть. Только теперь началось обучение.

Толя - И я промолчал. Опустил голову и промолчал. Промолчал, понимаете, предал вас. Я хотел что-то сказать в вашу защиту, но язык отсох. Молчал. Хотя студенты за два года вами были воспитаны так, что они уже были обучены для работы с любым режиссёром. Как вам это удалось?

Эпилог 2

[Актерское мастерство в Москве, курсы актерского мастерства, актерские курсы, театральная школа, актерское агентство](#) / Театральные новости

Союз театральных деятелей: Свердловское отделение СТД РФ: Семен Лосев возвращается

13 ноября 2008 г.

Спустя почти двадцать лет, спектакль Семена Лосева вновь на екатеринбургской сцене.

Гастроли Даугавпилсского театра в Екатеринбурге откроются на сцене Театра драмы 21 ноября спектаклем «Последний срок» по повести Валентина Распутина. Этот спектакль поставил Семен Лосев, который несколько лет работал главным режиссером в Свердловском ТЮЗе —

1988 по 1991 годы. В Екатеринбурге (тогда еще Свердловске) шли спектакли «Приезжие» (по рассказу Шукшина), «Отцы-66» (Е. Григорьев), «Интердевочка» (В. Кунин), «Куриные головы» (Д. Шпиро), «Сотворившая чудо» (У. Гибсон). Кроме того, он руководил курсом актеров драмы в нашем Театральном институте.

В 2007 году, когда был поставлен спектакль «Последний срок» в Даугавпилсе, Валентин Распутин праздновал свое 70-летие, и эта постановка посвящена юбилею писателя, который сумел сберечь и передать читателям, зрителям веру в непреходящую человеческую ценность — совесть.

Спектакль «Последний срок» составлен как мозаика воспоминаний, оценка своих поступков сквозь призму совести и это уже шаг к моральному возрождению. В трагическом по своей сущности рассказе зарождается вера в человеческое наследие.

Инсценировку спектакля «Последний срок» сделал сам Семен Лосев. Это не первая работа режиссера в Даугавпилсском театре: в 2004 году он поставил спектакль «Вся надежда моя...» по мотивам пьесы М. Горького "Васса Железнова".

Гастроли Даугавпилсского театра в Екатеринбурге проводятся Союзом театральных деятелей России в рамках Программы государственной и общественной поддержки русских театров стран СНГ и Балтии под патронатом Президента РФ, совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Дом актера. Официальный театральный портал Свердловской области

13 ноября 2008 г.

На екатеринбургской сцене – спустя двадцать лет

ИА "Апельсин", 11.11.2008 11:39 Мск.

Последний спектакль на сцене тогда еще Свердловского ТЮЗа режиссер Семен Лосев поставил в 1991 году. В тот период он занимал пост главного режиссера театра. Тогда в репертуаре ТЮЗа было несколько его постановок – «Приезжие» по рассказу Василия Шукшина, «Отцы-66», «Интердевочка», «Куриные головы», «Сотворившая чудо». Эти спектакли сохранились в памяти многих горожан.

На заре Перестройки Семен Лосев покинул Свердловск и уехал жить и работать в Латвию, в Рижский русский театр. Сейчас он работает в России, возглавляет Молодёжный театр в городе Старый Оскол, но связь с Латвией не теряет, несколько спектаклей он поставил и в Даугавпилсском театре, который, напомним, приезжает с трехдневными гастролями в Екатеринбург. И откроются они 21 ноября спектаклем «Последний срок» – именно в постановке известного свердловчанам режиссера. Премьера этого спектакля состоялась в 2007 году и была приурочена к 70-летию автора сюжета – писателя Валентина Распутина, чья повесть легла в основу пьесы (инсценировку делал сам Лосев). Отметим, что это не первый спектакль режиссера по «Последнему сроку» – в 80-е годы он уже осуществлял постановку в Ленинграде, но изменилось и время, и восприятие текста.

24.10.2008 13:58 Гастроли знаменитого латвийского театра пройдут в Театре драмы

С 21 по 23 ноября в Свердловском государственном академическом театре драмы пройдут гастроли Даугавпилсского театра (Латвия).

Как сообщают в Доме актера, гастроли состоятся в рамках Программы государственной и общественной поддержки русских театров в странах СНГ и Балтии, которую реализует Союз театральных деятелей

под патронатом Президента Российской Федерации.

Даугавпилсский театр тесно связан и с Екатеринбургом. Сейчас с театром активно сотрудничает известный режиссер Семен Лосев, ранее работавший в Екатеринбургском театре юного зрителя. Он с художниками Татьяной Скуридиной и Татьяной Сопиной из Российского Старооскольского Молодёжного театра поставил на даугавпилсской сцене спектакли «Последний срок» по одноименному произведению Валентина Распутина (этим спектаклем открываются гастроли в Екатеринбурге) и спектакль «Вся надежда моя...» по мотивам пьесы Максима Горького «Васса Железнова».

Латвийский театр с гастролями в Екатеринбурге

В Екатеринбург с гастролями приехал Даугавпилсский театр. 12 актеров из Латвии сыграют на сцене театра Драмы четыре спектакля. Зарубежные актеры говорят исключительно по-русски, так что оценить постановки смогли и екатеринбургские зрители.

Этот спектакль номинировался на премию "Ночь игроков", для латышей это нечто вроде "Оскара". Статуэтку тогда не получили, но колесить по ближнему зарубежью с « Последним сроком » не перестали.

Ставил спектакль бывший екатеринбургский режиссер Семён Лосев. Сценография Татьяна Скуридина и Татьяна Сопина

В глухой деревушке умирает старуха. Чтобы проститься с матерью, в дом к ней съезжаются ее пятеро детей. Постановщики уверены, история, положенная в основу, близка каждому. "Когда говорят о вечных темах – жизнь, любовь, совесть – принимают все: и латыши, и русские. Театр на то он и есть театр – он объединяет", - говорит актриса Жанна Лубгане.

Единение со зрителем достигают и за счет языка – все актеры говорят по-русски. На латышский не переходят, даже когда отпускают ремарки на репетиции. Акцент только у самой юной артистки. Для 11-летней Эрики с рождения русский язык – иностранный. Впрочем, реплик у героини немного. "У меня нет театрального образования, потому что я не хочу быть актрисой. Просто уделяю внимание театру", - говорит Эрика Вронска.

Внимание екатеринбургскому театру сегодня уделяют почти все. Латыши говорят, давно не играли в таких стенах. "У вас очень красивый театр, у вас очень красивая сцена, большая – у нас меньше. Нам все здесь нравится, но теперь мы волнуемся, чтобы все было хорошо с нашей стороны", - говорит директор Даугавпилсского театра Инессе Лайзане.

Все билеты на спектакли латвийского театра уже раскуплены.

На следующей неделе артисты вновь упакут декорации и костюмы и отправятся гастролить дальше. Следующая остановка – Челябинск.

Источник: <http://www.vesti-ural.ru/>

domaktera.ru » [Новости](#) » [Новости Свердловского отделения СТД РФ \(ВТО\)](#) » **Александр Калягин поблагодарил Отделение за помощь в организации гастролей Даугавпилсского театра**

17-12-2008

НОВОСТИ

[версия для печати](#)

В конце ноября состоялись долгожданные гастроли Даугавпилсского драматического театра.

Председатель Союза театральных деятелей России, народный артист России Александр Калягин выразил благодарность Владимиру Мишарину и Свердловскому отделению СТД РФ за помощь в организации и проведении гастролей театра из Латвии: **«Это знаменательное событие не имело бы такого резонанса без Вашей помощи и деятельного участия. Вы и Ваши сотрудники сделали многое, чтобы наши гости почувствовали себя в Вашем городе тепло и уютно, а зрители по достоинству оценили лучшие спектакли театра. Артисты вернулись домой с гордостью и радостью – они увезли с собой самые лучшие воспоминания о незабываемых днях, проведенных в Екатеринбурге».**

Гастроли Даугавпилсского театра

Распутин вместо Блауманиса

Последний срок.

Автор инсценировки и режиссёр Семён Лосев

Сценография Татьяна Скуридина, Татьяна Сопина

В Челябинском государственном театре юных зрителей начались гастроли Даугавпилсского театра (Латвия). Событие из ряда вон. И вот по какой причине: латвийские артисты впервые выступают в нашем городе.

Гастроли Даугавпилсского театра организовал Союз театральных деятелей (СТД) России в рамках Программы государственной и общественной поддержки русских театров стран СНГ и Балтии **под патронатом президента РФ,** совместно с федеральным

министерством иностранных дел.

Гастрольный тур короткий, включает в себя всего два города – прежде чем приехать в Челябинск, артисты выступали в Екатеринбурге и, как заверил режиссер театра Харий Петроцкий, весьма благосклонно были приняты зрителями. Не верить словам Хария нет основания. Тем более что и челябинцы с большим интересом восприняли гастроли. **Билеты на спектакль «Последний срок», поставленный Семёном Лосевым по одноименной пьесе Валентина Распутина, раскупили еще до появления труппы в нашем городе.**